

*Жизнь пела, плакала, лилась,
а не происходила.*

Поэтических книг такого качества в Челябинске до сих пор почти не делали. В России — единицы. Не сомневаюсь, издательство Марины Волковой теперь останется в истории русской культуры.

Перед нами плоды двадцатипятилетней работы над стихом. Четырехсотстраничный свод стихов из десяти сборников с авторским комментарием, жестким и объективным.

Приступал к чтению с опасением: не окажется ли так, что содержание «не дотянет» до изысканного оформления? (Графика С. В. Андрусенко и В. Б. Остапенко; фотография С. И. Жатков).

А Кальпиди — «не мой» поэт. Творениями его до-

селе я не зачитывался, интересовался им постольку-поскольку, дабы составить представление. К ажиотажу поклонников относился скептически. Считал его поэтом для филологов, автором «диссертабельных» текстов, очевидная высокая одаренность которого превышает самореализацию. Литературным Сизифом, конструкции которого трещат и рушатся под информационной тяжестью. Поэт-интеллектуал, эрудит, мыслитель. Несмотря на вышеуказанные свойства — поэт эндогенный. Мастер образа, метафоры, ритма, синтаксиса и *прозы*... Замечательные строки и строфы, великолепные материалы, из которых далеко не всегда складывалось совершенное изделие. Почти не находил того, что называют шедевром. Видел поэзию с формальными признаками псевдопоэзии — срывы, темноты, искусственности, нагромождения сложнейшей символики, сложные восьмичастные предложения. Информационная перенасыщенность, слабость композиции, избыток метафор и др. сложных стилистических фигур приводили к затемнению смысла, затрудняли

понимание и тормозили развитие мысли. Основную работу над стихом приходилось проделывать читателю.

Показался странным выбор первого стихотворения «На смерть бомжа»... Современными дивертисментами на эту тему можно заполнить программу фестиваля или толстую антологию «Бомжи в русской поэзии» (гранты ЮНЕСКО и Правительства России). Жесткий и почти жестокий Емелин в сравнении с Кальпиди — православный гуманист. Тоже мне, поэт-суриковец, певец страданий угнетенного трудового люмпен-пролетариата.

Далее непрерывно следуют шедевр за шедевром, составившие весь первый и пока последний гипертекст «В раю отдыхают от бога». Боюсь накаркать, но думаю, несколько стихотворений дополнили русскую классику.

Сделаем паузу в чтении и вернемся к Кальпиди.

Демонстративно городской уральский поэт — четыре места производства: Пермь, Челябинск, Екатеринбург и впервые введенный в дискурс Еманжелинск. «Пермь хотела и могла обрести речь. С Челябинском та-

кой фокус не удался бы: он до сих пор биологически лишён речевого аппарата и, как следствие, слухового тоже». Одно из его поэтических достижений, то, что делает его единственным в своём роде, — создание принципиально новой «челябинской» мифологии. Потомок эллинов поставил перед собой невыполнимую задачу — создать поэтическую мифологию нашего города. Напомню, что полноценную поэтическую мифологию в России имеет только Петербург, и создавалась она в течение столетия от Пушкина до Блока. Остальные города, в том числе с древней историей и богатой культурой, изредка имеют фрагментарную поэтическую мифологию, а чаще — никакой.

Кальпиди решил исправить ситуацию: «...была сделана попытка подложить под Челябинск «гигиеническую клеёнку» новой мифологии. Но эта попытка провалилась: город наотрез отказывался конструировать своё прошлое, предпочитая постоянную падающую несущуюся будущего».

Несмотря на стабильную массу поклонников и признание со стороны президиума поэтического цеха, многолетнюю общественную деятельность, Кальпиди очень одинокий поэт. Может быть, кто-нибудь и подбирает ему пары (шеренги, колонны), но к реальности это отношения не имеет. Можно, конечно, подыскивать биографическую, идейную, сти-

левую общность (сходство) с теми или иными авторами, рисовать генеалогическое древо. Можно притягивать к «направлению». Очевидные влияния — Мандельштам, Пастернак, Бродский, Вознесенский.

Это даже не второстепенно. Виталий Кальпиди прежде всего индивидуальность и индивидуалист. Негативист — с ранней юности отказ от политизации, отказ от сотрудничества с советской властью, отказ от контактов с Союзом писателей, отказ от теоретизирования. Обыкновенная биография семидесятника. Уход в «поколение дворников и сторожей». Хорошее время ясности, когда были «мы» и «они». 15 лет писал в стол. В последнее «время стихов» 1987–1990 — эту «пятилетку счастья» вышел из андеграунда. Помню, какое удовольствие после многолетнего засилья миниакемистов и КСП доставляла «новая волна». Вело, остроумно, интересно, разнообразно. Очевидные недостатки прощались, всётаки людей десятилетиями держали в подполье.

*Стихи писало человечество
Пока стоял советский
строй.
Но вот разрушилось
отечество,
Ушли идеи на покой.
(М. Гробман)*

Его первая книга вышла, когда поэзия лишилась массового читателя. Кальпиди никогда не принадлежал к

какому-либо течению, группировке, тем паче к мэйн-стриму. Это не соц-арт, широко распространенный среди его сверстников, бывший разрешенным глумлением, но сразу и безнадежно устаревший, ибо «сатира не может быть направлена в прошлое» (А. Гольдштейн). Это не тупичок патриотической поэзии синего Урала с отрицательным знаком. Не медгерменевтические игры в литературу. Это «страшный мир»...

*...Про то, как
отвратительно и быстро
сбежал отец работать
мертвецом,
потом про то, что
не имеет смысла
быть в принципе
кому-нибудь отцом*

Тем не менее необходимым для создания уральской мифологии неопролетарским мировоззрением как следует не овладел. Местоимение «мы» в его текстах попадает редко. Асоциальный поэт. Прежде всего живёт (?) не в брежневской, горбачевской, ельцинской, путинской России, а в вечности. Слышит мироздание и говорит с ним. У других поэтов — привязка к историческому этапу. Кальпиди вне текущей политики. Хотя политика в своё время им занималась, политическая сатира — вовсе не его дело.

Кальпиди разрабатывает тему вечности. В его мире нет разграничения между тем и этим светом. Жизнь и смерть — не антиподы,

а неразделимые и взаимо-проникающие формы существования. Многочисленная летающая фауна: птицы, насекомые, ангелы. В этой системе относительны размеры, верх и низ, агрегатные состояния веществ, внешнее и внутреннее. Неважно местонахождение автора в географическом, историческом, культурном пространстве. Заполненность пространства.

Почитателей много, учеников-подражателей — тоже. Пытаются формировать культ личности. В начале 2000-х Аркадий Бурштейн проводил вечер о Кальпиди в тель-авивском магазине «Дон Кихот». Я поинтересовался: «Кальпиди приезжает?» — «Если бы Кальпиди приехал, понадобился бы большой зал».

И снова возвращаемся к «Избранному».

Едва ли было правильным размещение материалов в ретроспективном порядке. И вот почему. Бывают поэты, творческий путь которых идет по лестнице, ведущей вниз. Помещенный в начале книги и последний по времени сборник (точнее — гипертекст) «В раю отдыхают от бога», несомненно, лучший по исполнению и глубочайший по смыслу. Две предыдущие книги — подступы. То есть в начале книги помещен результат, кульминация после качественного скачка; а потом заинтригованные читатели могут проследить четвертьвековой процесс становления и развития поэтической личности.

Гипертекст обрадовал. Новым Кальпиди, вышедшим на принципиально иной поэтический уровень. Во втором полувековии с поэтами такое происходит исключительно редко (Пастернак, кто ещё?). Ожидал обычного Кальпиди: длинной фразы с массой эффектных и загадочных образов, метафор и других стилистических фигур.

Стихи гипертекста «В раю отдыхают от бога» очень красивы. Отказ от излишеств. Экономия материала. Сложность без усложненности. Умеренность и аккуратность. Появились *простор, лёгкое дыхание* стиха и *чёткость* и *ясность* мысли. Потому стансы. Дивная фонетика. Девять сборников — поиски, эксперименты, блуждания, приближения. Десятый — достижения, находки, результаты.

Другим аспектом темы вечности является, ни много ни мало, мироздание и смысл его существования. Предмет опасный, на котором запросто сорваться в литературщину, ложную многозначительность, псевдопоэзию. Стихи чрезвычайно сложные соответственно теме. Требуют построчного примечания. Автор сам прекрасно это видит и в высшей степени квалифицированно и объективно разбирает собственные тексты; идя навстречу читателю, дает прозаические толкования сборникам (критик), а сборник «Мерцание» напечатан с подробнейшим

авторским комментарием, дабы диссеры не пороли сверхнормативную чушь. Не доверяет читателю? Крайняя субъективность.

как, перекрестив

*по инерции рот,
я птицу за четверть часа
создам, а потом*

*отфильтрую полёт,
чтоб изобрести небеса*

Автор — созерцатель, эгоцентрик. Здоровое недоверие читателю. А себя критикует беспощадно: «Если бы в этом блоке книги удалось избежать кокетливой мудрости (самой изощрённой формы глупости), было бы здорово, но здорово не получилось».

Проблема жизни и смерти. Жанр многих текстов я бы определил как философские пейзажи. Кальпиди очень умен и глубоко образован — перенесение этих личных качеств на поэзию способно сделать стих неудобочитаемым. Преодоление «блокады слов чужих» (Л. Чертков) нелегко далось автору, ранее написавшему немало текстов за Пастернака, Мандельштама, Бродского и др. «...нельзя после 35 читать чужие книги, иначе ты будешь их так или иначе конспектировать внутри своих. <...> Постоянное общение поэта с поэтами — это ментальное кровосмешение, ведущее именно туда, куда и должно вести — к вырождению, ибо генетику никто не отменял».

Богостроительство. Важнейшее достижение гипертекста — созданный автором вольтерьянский образ творца/творения, пожалуй, наиболее интересный в русской поэзии. «Если бог везде, то его можно найти и на помойке. Если он действительно везде. То его можно найти даже в пространстве собственного неверия в него. <...> Если бог нужен, крайне нужен, а его всё ещё нет, то ты сам должен сотворить бога из обломков самого себя, ибо никакого другого материала у тебя под рукой никогда не будет». Кальпиди аннулирует столь модную ныне псевдо-религиозную квазипоэзию. Её читательницы его жалеют, уже окажется потом по соседству с Демьяном Бедным. Кальпиди — явный монотеист. Но он не молебствует, не борется с богом, он описывает персонажа.

*Это даже не секрет:
до обеда бога нет
(он и к ужину нечасто
нарождается на свет).*

*А бог, играя в чудеса,
свой этим укрощая гнев,*

*под нос нам тычет небеса,
себя в них не предусмотрев.*

*Например, что бог —
не фраер,
а фанерный ероплан,
рухнувший в районе рая,
разломившись пополам.*

*Вот бог, который, если
откровенно,
исчерпан тем, что просто
знаменит.*

*...все свои стихи я высосал
из пальца,
которым тычет в нас
скоропостижный бог.*

*Где бог внутри себя,
как смерч,
танцует сразу всех:
и нашу жизнь, и нашу смерть,
и свой над нами смех.*

Программное «В раю отдыхают от бога» полностью напечатано на обложке, видимо, для коллекционеров ламинированных изданий.

Чёрный интеллектуальный юмор? (Слово неточное.) Сюрреализм. Изобилие разнообразных стилистических фигур. Действие (если есть) калейдоскопичное. Нет сквозных персонажей. С помощью

приема «воплощения», заслуженно считающегося графоманским, он делает шедевр эмоциональной градации.

*Любвеобильным девушкам
в обноскох,
гуляющим посёлка на краю,
я б тайно увеличил*

*яйценоскость,
став этой самой
яйценоскостью.*

*Я был бы исключительно
нагляден,
побыв входным отверстием
в груди
единственного честного
в Челябине
позавчера убитого судьы.*

*Я мог бы стать улыбкой
после секса
последнего у пары пожилой
в момент, когда старик,
держась за сердце,
залюбовался собственной
вдовой.*

«Высокое» и «низкое» в невесомости не существуют. Недавно я написал, что Урал не произвел поэтов первого ряда. Пожалуй, придётся пересмотреть этот тезис.

Евгений Лобков